

Первые лучи солнца, словно золотистая вуаль, мягко легли на плечи девушки. Стоя на крыше, она погрузилась в самый первый рассвет этого мира.

Внизу, на земле, студенты вели себя по-разному. Одни в ужасе не сводили глаз с девушки на краю, другие, с любопытством предвкушая зрелище, перешептывались, словно ожидая начала фарса. На лицах некоторых промелькнуло злорадство. И среди этой толпы не нашлось ни одного человека, который по-настоящему переживал бы за нее.

Как же это иронично.

— Ты из какого класса?! Не смей прыгать! Ты что, не хочешь сдавать государственный экзамен? Если прыгнешь, результаты аннулируют! — испуганно выкрикнул учитель, голос которого дрожал от напряжения и спешки.

Он пытался воззвать к разуму девушки, используя значимость экзамена как последний аргумент.

— Если ты прыгнешь, как посмотришь в глаза родителям? Подумай о них! Они каждый день встают ни свет ни заря, в любую погоду вкалывают, лишь бы прокормить тебя! — подключился другой преподаватель, надеясь, что чувство долга и семейные узы остановят ее от безрассудного шага.

— Верно, Вэнь Сюэсюэ! Жизнь можно прожить много раз, а экзамен бывает только один!

На воротах учебного корпуса и на перилах каждого этажа висели кроваво-красные транспаранты, ослепительно сиявшие в лучах утреннего солнца:

Сегодня потратишь минуту — будешь жалеть всю жизнь.

Спишь на уроках — прощайся с вузом, не спишь в общежитии — мечта пойдет прахом.

Жизнь можно прожить много раз, а экзамен бывает только один.

Эти лозунги, словно проклятие, сковывали студентов. Искривленная педагогика, которую они несли, ввергала учащихся в пучину тревоги и безумия. Насколько же порочна и уродлива была эта система! Ценность человека не должна измеряться лишь баллами за экзамен. Подобная философия, возводящая испытание в абсолют, ломала психику, рождая отчаяние и ненависть к учебе.

Вэнь Сюэсюэ медленно закрыла глаза, и в тот же миг из уголка ее глаза скатилась прозрачная слеза. В этой капле отразилась вся боль, которую приходится терпеть ученику. Боль, понятную лишь тем, кто сам прошел через этот ад. В этой слезе было столько невысказанной горечи: усталость от бесконечных гор домашнего задания, жгучее давление рейтингов, страх перед туманным будущим и холод одиночества среди сверстников.

Оказалось, что когда человек доходит до крайней точки крушения, у него уже не остается сил даже на крик. Все эмоции бурлят глубоко внутри, не имея выхода. В этот момент Вэнь Сюэсюэ казалась забытой миром одинокой душой, запертой в собственной муке.

Нань Юй только хотел окликнуть ее, чтобы отговорить, как девушка уже распахнула руки и, словно вольная бабочка, шагнула с крыши.

Все вокруг замерли, с ужасом глядя на происходящее. Вэнь Сюэсюэ стремительно падала, и воздух со свистом рассекал ее одежду. В ее пустых глазах, устремленных в недостижимое небо, читался немой вопрос.

Тело ударилось о выступ второго этажа. Острая боль пронзила ее, но она, не колеблясь, уперлась руками в край, с трудом подтянулась и снова сорвалась вниз. Ее руки дрожали, каждое движение требовало титанических усилий. Она напоминала увядающий лепесток, беспомощно кружащийся на ветру. Каждое падение было безмолвным протестом против этого мира, против уродливой системы образования и удушающего давления.

В голове была пустота. Ни страха, ни сожаления — лишь долгожданное освобождение. Время словно замедлилось: она отчетливо видела искаженные ужасом лица студентов и слышала их крики. В момент последнего падения в ее сердце не осталось лишних мыслей. Она летела в бесконечную тьму, подобно падающей звезде.

Глухой удар.

Тело Вэнь Сюэсюэ тяжело рухнуло на землю, подняв облако пыли. В свете солнца эта пыль казалась густым туманом отчаяния. Она лежала неподвижно, словно брошенная кукла. Кровь медленно растекалась вокруг, окрашивая асфальт, словно расцветающий цветок безысходности.

Вокруг воцарилась мертвая тишина. Кроваво-красные транспаранты продолжали сиять на солнце: Жизнь можно прожить много раз, а экзамен бывает только один.

Она выбрала свой путь, чтобы бросить последний вызов этой извращенной системе и невыносимому гнету.

Чат на мгновение замер, а затем взорвался потоком сообщений:

— Как жаль, только мы, студенты, можем понять ее боль.

— Взрослым нас не понять. Им невдомек, что нам нужно не только сопровождение, но и понимание.

— Может ли Государство Лун наконец изменить образование? В некоторых отсталых городах до сих пор царит этот бред!

Нань Юй оставался невозмутим. Смерть Вэнь Сюэсюэ не вызвала в его душе ни малейшего отклика. Для него она была лишь незначительным неигровым персонажем.

— На что уставились?! Больше не хотите сдавать экзамен?! Живо по классам! — суровый окрик прорезал воздух, ударив по ушам студентов, словно молот. — Классные руководители, организованно увести учеников в кабинеты!

Приказы передавались по цепочке, и студенты подгоняемые учителями, двинулись обратно. Нань Юй, не раздумывая, дернул Шангуань Цинье за одежду, и они быстро выскользнули из толпы, ловко спрятавшись в придорожной зелени.

— Что делаем дальше? Может, пойдем искать фотографию из кабинки туалета в женском общежитии? Мне кажется, задание с балетными туфлями и красным шарфом слишком сложное, — нахмурившись, произнесла Шангуань Цинье.

Нань Юй слегка кивнул. Он был согласен: раз альбинос дал понять, что Ли Синьсинь — тема запретная, вряд ли удастся выведать что-то полезное у этих студентов. Если не узнать, что случилось с Ли Синьсинь, невозможно понять ее историю и найти фрагменты ее тела.

Сейчас самыми простыми задачами были выживание в течение пяти дней и поиск фотографии из туалета. Конечно, существовал и радикальный вариант: перебить всех в школе. Судя по тому, что Нань Юй съел учительницу, все неигровые персонажи здесь были с подвохом, за исключением разве что того юноши-альбиноса. Но полное истребление неизбежно привело бы к огромным затратам сил.

Нань Юй погрузился в раздумья. Ему предстояло выбрать наиболее жизнеспособный путь в этом непростом лабиринте.

<http://bllate.org/book/21794/2254698>